

19.05.20

ЧЕТЫРЕ СЦЕНАРИЯ РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

Академик РАН, ректор МГИМО МИД России, председатель агентства "Евразийские стратегии" Анатолий Торкунов рассказал в эксклюзивном интервью первому заместителю генерального директора ТАСС Михаилу Гусману о сценариях развития кризиса, спровоцированного пандемией коронавируса, президентских выборах в США, перспективах цифровой дипломатии и будущем науки и образования в России.

– Анатолий Васильевич, в мире бушует "идеальный шторм". Экономике ведущих стран остановлены из-за карантинных мер. Многие наблюдатели сравнивают шок от пандемии с последствиями большой войны.

– "Идеальный шторм", Михаил Соломонович, это штиль, хотя я понимаю, что вы имеете в виду кардинальные многовекторные изменения международной среды, которые сошлись в настоящем временном отрезке. Сравнения с большой войной, наверное, неуместны. COVID-19 не разрушает индустриальный потенциал, транспортную и социальную инфраструктуру. Он заставляет нас самих корректировать нашу жизнь, интеракции внутри общества и, как следствие, активность государств на международной арене. Правда, зависимость эта не линейная и не моментально проявляющаяся.

И если уж прибегать к аналогиям, то COVID-19 следует сравнивать не с войной, а с пандемиями, которые в прошлом в огромной, а иногда и в решающей степени влияли на историю человечества. Взять хотя бы испанку начала XX века. Одно из изданий нашего университета в настоящее время готовит специальный выпуск, посвященный влиянию коронавируса на различные страны и регионы мира, а также осмыслению пандемии как социально-экономического и политического фактора.

Но МГИМО – это, прежде всего, образовательное учреждение. Мы не прерываем учебный процесс и исследовательскую работу благодаря "цифре". Другие университеты действуют так же. Академическое сообщество впервые наглядно увидело, какой колоссальный потенциал есть у цифровых технологий.

– Сегодня и в России, и за рубежом общим местом в прогнозах стал вывод о том, что "мир никогда не будет прежним"? Эту мантру мы с вами, люди, живущие не первый десяток лет, слышали много и много раз. Вы готовы согласиться с этим тезисом в его нынешней итерации?

– Прежде всего, надо понимать, что мир не был и не будет статичным. Разве пандемия отменяет конфликты, противоречия между различными игроками, санкции, национальные интересы? Она может выступить катализатором тех или иных процессов, а может, напротив, замедлить их. Поэтому было бы продуктивно трезво оценить степень воздействия COVID-19 на мировую политику и международную экономику вместо того, чтобы становиться "заложником новизны" и заниматься открытием Америки.

– Ну, Америку, скажем, нам открывает Трамп. Впрочем, до Америки мы еще дойдем. Поговорим о более близком. Цены на нефть, казалось, упали до исторического минимума...

– Но они начали расти... Не в последнюю очередь благодаря готовности ключевых производителей договариваться, снижать добычу. Россия, Саудовская Аравия, США здесь в одной лодке.

– В мире было, скажем мягко, беспокойно, когда еще никто не знал о COVID-19. Вы, аналитики МГИМО, ожидали и ожидаете новых кризисов в мировой политике?

– Есть несколько тенденций самого общего порядка, которые, на мой взгляд, едины для всех сценариев будущего. Прежде всего, пандемия бьет по узлам глобализации. Это подчеркивает глобальную роль Китая, где эпидемия и возникла. Трагичный и яркий пример – Нью-Йорк. Да и Москва далеко не последний глобальный хаб.

Кризис выявил важную черту современного образа жизни в таких узлах глобализации: с одной стороны, высокий уровень потребления, причем престижного потребления, а с другой – ненадежность, неустойчивость достигнутого уровня жизни. Для многих в России или даже более состоятельных странах ЕС оказаться на два-три месяца без работы, без выручки от малого бизнеса очень рискованно

Причем от государства ждут, что оно, говоря попросту, оставит всех в покое, не будет вмешиваться в экономическую жизнь, снизит налоги, дерегулирует все что можно, но в то же время победит эпидемию, не нарушая привычный образ жизни, обеспечит быстрый экономический рост с равными возможностями для всех и так далее.

Кризис показал, что многие системы здравоохранения плохо справляются с вызовом массовой заболеваемости. Научившись лечить тяжелые заболевания и работать с уникальными случаями, упустили массовый сегмент. Возник вопрос, я бы сказал, о медицинском суверенитете. Многие правительства задумываются и о реформах

здравоохранения с акцентом на массовый сегмент, и о разворачивании критически важных производств на собственных территориях.

Но у медиков и ученых, несмотря на трудности, наступило время, когда они особенно востребованы. Можно ждать роста инвестиций в медицинские и биотехнологии. Медтех и биотех и раньше считались одними из прорывных направлений будущих технологических преобразований. Сейчас они получают особый импульс.

Вопрос только в том, что будет ставиться во главу угла: разработка и внедрение сверхдорогих и уникальных технологических решений для элиты или здоровье всех граждан. Вероятно, разные страны ответят на этот вопрос по-разному.

Цифровая трансформация получит новый импульс – от новых технологий в телекоммуникациях и цифрового управления в государственных органах и бизнесе до беспилотного транспорта и цифровой логистики. Здесь есть свои вызовы: цифровые технологии могут придать импульс для развития, но и породить новое неравенство. Для обеспечения карантинных мер во многих странах развернуты системы цифрового контроля. Правовые и этические аспекты этой практики еще предстоит оценить.

Наконец, сохранится значимость государственного суверенитета. В борьбе с эпидемией имеет значение скорее не то, насколько эффективная и высокотехнологичная у вас медицина, а то, можете ли вы организовать и поддержать карантин, минимизировав неизбежный в таких случаях ущерб для экономики и социальной сферы. Хорошо организованные государства справляются с этим вызовом лучше.

– В общем, если не считать нового импульса для реформ здравоохранения и инвестиций в медицину, пандемия скорее закрепит уже существующие тенденции, чем породит новые?

– Да, есть и такая точка зрения. Но будущее открыто, и было бы неверно исходить из того, что все будет просто идти, как и шло. В МГИМО с 1970-х годов развивается школа сценарного анализа. В сценарном прогнозировании можно увидеть весь спектр вариантов возможного развития ситуации. Если смотреть на текущий кризис в этой перспективе, то сценариев может быть несколько.

– Вы могли бы описать эти сценарии? Что они в себя включают?

– Вы должны понимать, что это пока только проект прогноза, а не его конечный результат.

Первый сценарий – избыток ресурсов и высокий уровень сотрудничества. Представим, что кризис в мировой экономике преодолевается сравнительно быстро, новые технологии – те же "цифра" и биотех – обеспечивают быстрые темпы роста, а в ходе борьбы с пандемией ключевые игроки приобретают новый опыт сотрудничества.

Американо-китайские отношения приходят к равновесию, основанному на взаимных экономических интересах. Удастся сохранить преимущества глобализации, в том числе за счет обмена активами между крупнейшими экономическими игроками. Экономический рост позволяет постепенно сокращать неравенство. Стабилизируется

внутриполитическая ситуация в США, американская внешняя политика становится менее импульсивной. Меняется само видение глобализации: от экспансии транснациональных корпораций, безопасность которых обеспечена единственной сверхдержавой, к широкому сотрудничеству национальных государств. Такой сценарий можно было бы назвать "новой глобализацией".

– Верится с трудом. Вряд ли это самый вероятный сценарий.

– Дело не в вероятности, а в том, чтобы мысленно поместить себя в разные варианты будущего и продумать собственные действия. Ростки каждого из сценариев есть и сейчас. Впрочем, все может быть и иначе. Представим мир в условиях недостатка ресурсов при низком уровне сотрудничества. Мировая экономика в стагнации, американо-китайские отношения в кризисе. Растущее неравенство на фоне шока от пандемии, с которой многие государства справились плохо, обостряет социальные конфликты. Мы это видели в последнее десятилетие: американское движение Оссиру Wall Street, французские "желтые жилеты", электоральные успехи на выборах "несистемных политиков" справа или слева, рост национализма и скептицизма в отношении традиционных интеграционных структур. Заметим, все это проявлялось еще до наступления пандемии коронавируса. А во время пандемии многие проблемы только усиливаются.

Например, социальные низы не могли получить медицинскую помощь. Нарастает конфликтность и беспорядок в международной системе. Санкции становятся инструментом хищнической экспроприации. Такой сценарий можно было бы назвать "новой Великой депрессией"

Нельзя исключить и третий сценарий, когда ресурсов по-прежнему мало, но при этом сохраняется высокий уровень сотрудничества государств. В моду вновь войдет идея равенства, справедливого распределения благ. При этом экономическая ситуация может оказаться слишком тяжелой для того, чтобы поддерживать политически мотивированные и дорогостоящие ограничения на международное экономическое сотрудничество. Этот "гармонический" сценарий вполне возможен – элиты поглощены внутриполитическими проблемами и не ведут активную внешнюю политику. Между прочим, пандемия в этом плане показывает возможные траектории для такой гармонизации.

– Вы назвали три сценария. А четвертый – секретный?

– Нет, он, наоборот, раньше других стал явным. В начале года Институт международных исследований МГИМО выпустил очередной прогноз "Международные угрозы", который ежегодно готовит сценарная группа Андрея Сушенцова. Он был написан до пандемии и экономического кризиса. В большой мере он и описывает четвертый сценарий – достаток ресурсов, но слабое международное сотрудничество.

Мировая экономика сравнительно быстро выздоравливает, а пандемия скорее усиливает существующие тренды, чем задает новые. Прежние региональные конфликты сохраняются. Международная конкуренция усиливается, хотя наиболее могущественные в военном отношении игроки удерживаются от самых рискованных решений. Самые сильные экономики, прежде всего США и Китай, понимая, что "глобализация сломалась", стремятся создать вокруг себя техноэкономические блоки

– большие сообщества государств, ориентированные на технологического лидера, обладающие эмиссионным центром, критической массой населения и высокотехнологичных компаний, достаточно емким рынком. Граница между техноэкономическими блоками совпадает с границей влияния технологических платформ критической инфраструктуры – чужаков сюда не допускают по соображениям безопасности. Международная торговля и инвестиции проявляют тенденцию к замыканию в рамках таких блоков. Два техноэкономических блока "в высокой степени готовности" – американский и китайский. Их существование подпитывает конкуренцию между крупнейшими державами и формирует архитектуру нового полицентричного мира. Международное сотрудничество динамично внутри блоков, но сравнительно слабо между ними. Наши коллеги поставили к своему прогнозу заголовок "Каждый – за себя".

– А у России есть "свой" техноэкономический блок? Или нам придется быть "и примкнувшим к ним"?

Россия, большинство постсоветских стран и страны ЕС пока не примкнули ни к одному из формирующихся техноэкономических блоков.

При этом у России есть хороший технологический задел, но не хватает мощной финансовой системы и емкости рынка. Емкость рынка особенно важна для развития цифровых технологий, связанных с обработкой данных. Здесь зависимость прямая: больше пользователей, больше данных, больше возможностей для совершенствования технологий, основанных на искусственном интеллекте. Тут есть большие перспективы и для сотрудничества в рамках Евразийского союза и СНГ, и для взаимодействия с ведущими странами ЕС. Мы здесь естественные партнеры. Развитие цифровых технологий ставит множество вопросов, которые требуют международного регулирования. Например, вопрос об использовании данных пользователей. Данные – это ключевой фактор развития цифровой экономики, их сосредоточение под контролем крупнейших игроков создает для них и рыночные, и политические преимущества. А механизмов регулирования практически нет.

– Во всех сценариях, что вы описали, важную роль играет исход выборов в США. Как вы считаете, что ждать от американских президентских выборов в этом году?

– Мировая система все меньше зависит от США и итогов их выборов. Однако мы продолжаем внимательно анализировать ситуацию. В начале года было больше определенности. По оценкам наших специалистов Андрея Безрукова и Ивана Сафранчука, исход выборов зависел от двух переменных: экономической ситуации в США и способности Демократической партии к мобилизации своей политической базы. Учитывая, что экономическая ситуация была благоприятной, а демократы не могли оправиться от внутренних конфликтов, шансы действующего президента сохранить свой пост были довольно высоки. Пандемия внесла свои коррективы. С одной стороны, США сталкиваются с серьезными экономическими трудностями. С другой, демократы, по крайней мере, истеблишмент партии, сплотились вокруг своего кандидата – Джозефа Байдена. Это сокращает шансы Трампа.

Нужно принять во внимание, что Трамп пришел к власти на волне недовольства, которое испытывают избиратели по отношению к элите в целом. Такое недовольство фиксируется не только в США.

Что касается отношений с Пекином, наши китаисты полагают, что, если ущерб от пандемии для США не будет чрезмерным, а экономический спад продлится недолго, можно ожидать, что их отношения с Китаем вернутся к уже привычному балансированию между сотрудничеством и соперничеством. Если же дела пойдут плохо и американским политикам на долгий срок понадобится "виноватый", то отношения с Пекином будут стремительно ухудшаться. Пока нет оснований ожидать, что американское руководство пересмотрит свои подходы к России, – кто бы из кандидатов ни победил на выборах в ноябре.

– А что России остается делать в ситуации неопределенности, создаваемой другими?

– Внимательно наблюдать, делать выводы и корректировать планы.

– В какой мере университеты почувствуют на себе кризис, вызванный пандемией?

– В значительной. Мы наладили дистанционное обучение, не допустили прекращения учебного процесса. Благодарен всем нашим профессорам и преподавателям, студентам. Они смогли очень быстро адаптироваться к этим новым условиям. Но трудности еще будут. Здесь как с пандемией, которая поражает прежде всего узлы глобализации. В наибольшей степени под угрозой ведущие университеты, в которых учится много иногородних и иностранных студентов. Студенты могут предпочесть учиться ближе к дому. Да и последствия экономического спада никто не отменял.

– Но МГИМО в силу своей необычности имеет шанс сохранить традиционные, не переведенные в цифру образовательные программы? Массовые университеты могут перейти на онлайн-обучение.

– Отвечу на первую часть вашего вопроса – "да", а отвечать на вторую пока воздержусь. Мы же часто видимся и еще раз вернемся к этому вопросу через полгода-год, когда осядет "вирусная пыль". Скажу о другом. Россия – огромная страна с огромными задачами. Для нее недостаточно, чтобы было всего несколько ведущих университетов, а остальные развивались по остаточному принципу. Мы уже показали, что умеем создавать и поддерживать образовательные и исследовательские университеты мирового уровня. МГИМО входит в пятерку ведущих российских вузов в большинстве международных рейтингов. Согласно авторитетному Global Go To Think Tank Index за 2019 год, МГИМО занял восьмое место в мире в категории "Лучший исследовательский центр на базе университета". Но России нужна гораздо более плотная и насыщенная интеллектуальная среда. В том числе по международным исследованиям. Нужна конкуренция между университетами и исследовательскими центрами. Я говорю не о конкуренции за ресурсы, а прежде всего об интеллектуальной конкуренции. Повышение качества высшего образования, развитие науки должно идти по всему фронту.

Оригинальная публикация **TACC**

Источник: **Четыре сценария развития событий после пандемии**

ОБ АВТОРЕ

Анатолий Торкунов

Председатель

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Юго-Восточная Азия, КНДР, Южная Корея

Область экспертизы: Руководство исследованиями и консультирование органов государственной власти Российской Федерации, российских и международных компаний в области международных политических и страновых рисков.

Профессиональный опыт: Ректор МГИМО МИД России, академик РАН, президент Российской ассоциации международных исследований (РАМИ). Член Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по науке, технологиям и образованию. Председатель Российской ассоциации содействия ООН. Руководитель секции Научного совета при Совете безопасности РФ. Сопредседатель Российского исторического общества. Член Попечительского совета Российского совета по международным делам (РСМД). Член попечительского совета и председатель Научного совета Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова. Сопредседатель российско-французского форума «Трианонский диалог». Главный редактор журнала «Вестник МГИМО-Университета».

